

С любовью и вниманием

Из сказов, поверий и легенд Владилен Машковцев
восстановил казачье бытие

АЛЕКСАНДР Сергеевич Пушкин очень любил свой перстень с изумрудом. Ведь, известно с давних времен, что изумруд открывает своему владельцу тайну слова.

Любил сей вечный изумруд волшебный поэт, однако приказал подарить его не детям своим, но Владимиру Ивановичу Далю за его труды на далекой тогда и безымянной земле уральской, в благодарность за помощь в сборе житийного материала для «Истории Пугачевского бунта». Был тот изумруд и заветом Пушкина к Далю собрать на Урале, где приживались в те поры переселенцы из десяти губерний российских, словарь великорусского языка. То есть послужил тот пушкинский перстень с изумрудом для Владимира Ивановича Даля прямым приглашением к бессмертию.

Подобно пушкинскому изумруду сверкает на одной из страниц «Истории Пугачевского бунта» легенда о происхождении яицкого казачества. Дескать, в давние-предавние времена казаки на Яике не жили оседло. Поселялись от похода до похода. А уходя в набег, убивали своих жен и детей. Жестокий этот обычай рухнул при атамане Василии Гугне, который отказался убить свою жену, пленную татарку Гугниху. С тех пор, замечает Пушкин, просвещенные люди Яика первую чарку за столом пьют за здоровье бабушки Гугнихи.

Увлеченные историей Пугачевского бунта, читатели 150 лет не замечали этой легенды. И вот в наши дни самоцветную диковатую легенду, оброненную А. С. Пушкиным, поднял магнитогорский писатель В. И. Машковцев. Из легенды, как из семечка, выросло пышное древо романа «Золотой цветок-одолен» (Южноуральское книжное издательство, 1990 год). Лет пятнадцать назад писатель Машковцев говорил: «Лежит прямо под ногами «золотая жила» — история казачьего Яика XVII века. Ее мог бы поднять Ручьев, он — казак, из просвещенной казачьей семьи, его отец Александр Кривошеков книжку этнографическую выпустил о нравах оренбургского казачества. Он мог бы многое вспомнить. Из сказов, поверий, легенд можно восстановить казачье бытие». И сам начал собирать материал, потому что тоже казак и тоже из станицы Звериноголовки, как и семья Ручьева.

Герои романа Владилен Машковцев «Золотой цветок-одолен» высочили в наше смутное время прямо из «Смутного времени 1612 года».

Не думаю, что это воля автора. Десять лет назад, когда был сделан выбор для романа, у нас было безвременье, а не смута. Значит, иноваты в этом «совпадении» силы ирреальные.

Роман «Золотой цветок-одолен» можно назвать богатырским романом. Не только потому, что XVII век предлагал человеку испытания, требующие богатырского духа для выживания: тут и память о схватках с поляками, и сцены сражений с «ногайской степью», и богатырские мирные забавы самих казаков, но привлекает и сам авторский тон, он именно богатырский. «Забавным русским слогом», как бы поигрывая то нагайкой, то сабелькой, то колдовскими обычаями, то строгими летописями, с разбойничьей усмешечкой

Пятнадцать лет назад ушел из жизни большой уральский и российский писатель Владилен Иванович МАШКОВЦЕВ. Он ровесник нашего легендарного города, почетный гражданин Магнитогорска. Его жизнь и творчество неразрывно связаны с Магниткой, которую он хорошо знал и любил. И в поэзии, и в прозе он воспевал героический трудовой и ратный подвиг своих земляков... У Владилены Ивановича остались неопубликованные произведения, одним из которых является «История Магнитки». Наш сегодняшний рассказ о его романе «Золотой цветок-одолен».

поведал нам автор были и небылицы о том, что «казаки живут отчаянно, умирают весело».

Фон, на котором разворачиваются действия героев романа, достаточно исчерпывающе отражен в письме купца Соломона Запорожского своему брату. Он, как и мы с тобой, читатель, впервые открыл для себя казачий Яик и оценивает его с точки зрения делового человека. Но ведь так же Яик оценивала и Москва, доискивающаяся присоединения Яика.

«Я открыл поистине золотую землю... Яик — это казачья республика, независимая страна, самостоятельное государство. На Руси республика существовала еще и в Новгороде. Но она давно рухнула под ударами Московии. Запорожскую Сечь можно признать вольницей, но не республикой. А здесь, брат мой, существует именно республика, достойная Тацита. Власть выборна на Яике. Любого атамана сместить и даже казнить могут. Кстати, атаман Меркульев, о котором я сообщал в первом письме, низвержен за гибель женщин в бою, бит плетями на дыбе и брошен в яму, где дожидается жестокой казни...»

А вот оценка яицких казаков из Москвы первопрестольной:

«Филарет пристукнул гневно по-сехом:

— Кто повелел вам воевать Яик? Русь истощена войной, пожарами. Крестьянские и монастырские пашни запустели. Голод и разоренье смрадят от моря до моря. Казачий Яик, как сабля божья, отсек от нас

орду. Яик спасет Русь. Неразумные казачье пройдет. Они поклонятся царю и церкви...»

Миростроительство и жизнестроительство казаков происходят на подножии социального вулкана, т. е. постоянных битв и походов. А на казачьем дуване, как на новгородском вече, мощно звучит одна из главных идей и нашего времени — идея борьбы человека земли с утопиями, то и дело увлекающими человеческий разум.

Одни казаки всю отстаивают утопию типа коммуни Кампанеллы, такие как бывший атаман Собакин и толмач Охрим, другие во главе с атаманом Меркульевым с яростью и болью, современной нам, требуют соблюдения здравого смысла. Так сказать, иерархии индивидуальных и коллективистских отношений.

У поклонников коммуни своя правда: «Атаман сей (то есть Меркульев) на Яике самый гнусный человек. Он загубил, продал Московии нашу волю... Меркульев обещал людям рай, где миром правит свободный базар. А где этот рай? Жиреют домовитые казаки, а у Емельяна Рябого жена и детишки зимой в землянке смертно замерзли».

У «иерархов» своя правда: «Силантий Собакин (бывший атаман) республиканец, как и Охрим. Хотел отменить и выбросить в море золото. Мол, все зло от богатства и злата! Дорогую посуду во всех домах побили. Изорвали и сожгли хорошие зипуны, рухлядь красную. Хлеб поделили поровну. Но скоро все сеять перестали,

порезали скот, стали мереть с голоду», — поведал Богудай Телегин.

Так почему же и зачем богатый казачий Яик присоединился к жестокой и беспощадной к своим окраинам Москве? Тут Машковцев прикоснулся к самому больному и до сего дня неразрешимому вопросу. Сошлюсь на высказывания историков о восхождении Москвы и ее значении для русского человека. Москва возвысилась и заняла так много места в сердцах русских людей, потому что «московский царь мыслился своими подданными не столько как государь национальный, сколько как царь православного христианства всего мира» (Покровский М. Н.).

Русская церковь на протяжении XIV—XVI веков показала народу такой подвиг служения Богу и Руси через православие, что и в соседних народах и в собственном утвердилась идея, что на земле есть Русь святая.

По первом прочтении романа автора можно обвинить в склонности к чрезвычайной жестокости. Особенно поражают характеры женские — жены казаков — воительницы, достойные своих мужей.

«Ордынцы плыли еле-еле, держась за гривы и хвосты коней. Лодки окружили сотню, не пускали ее ни к тому, ни к другому берегу. Из пищалей и стрелять не надобно было. Стреляли для интересу. Бабы и девки били ордынцев по головам веслами, острогами, секирами. И начали скоро драться и браниться меж собой...»

В одного ордынца вонзились сразу три остроги. И вытащить их из тела невозможно было. Так и бросили врага, ушел ко дну с железами в ребрах... Нахальная Маланья Левичева одна дюжину голов порубила. Свести нет, размалася. А Ульяна Яковлева совсем обнагела, выпрыгнула из лодки на круп лошади и зарубила секирой сразу двух ордынцев...»

Но стоит читателю «сунуть нос» в летописи XVI—XVII веков, как перед ним откроются не только воительный нрав псковитянок, ордынских ханш, но и защитниц Москвы, Франции, Испании, что стояли на смерти за свои очаги и, конечно, не стеснялись в выборе средств уничтожения противника. Легко логически предположить, что воительный характер женщины-казачки в то время сохранялся и в кратковременном мирном быту, что ярко показано на страницах романа «Золотой цветок-одолен».

Но что поражает больше всего, это нравственный подвиг состарившихся казаков. Они добровольно идут на смерть, чтобы напоследок «послужить обществу». Умирают в кипящих котлах, подрываются в пороховых складах, приговаривая: «Казаки живут отчаянно, умирают весело».

Моя старенькая мама говаривала: «Пока вы раскурпаетесь, я блинов испеку». Вот это словечко «раскурпаетесь» всю жизнь для меня означало великий русский язык. Его основой был художественный глагол. Наши предки никогда не говорили информационно. Язык рисовал события с такой же точностью, как сегодня рисует на телеэкране изображения электронный сигнал.

«Пока вы раскурпаетесь»... — эти

три слова вмещают в себя длинный процесс выхода большой семьи из ночного сна. Роман Машковцева написан таким вот вечным метафорическим русским языком. Почему вечным? По убеждению автора, русский разговорный язык простонародья не менялся с древних времен до нашей технократической цивилизации. Нет времени и места доказывать эту мысль, но в нее верится, как верится в незыблемость обычаев, нравов, песен, сказок, легенд вплоть до XX века.

Полны метафорического смысла названия трав, которые буйствуют в великой степи, поговорки, разговоры. Носительницей чудного, какого-то подземного народного знания, тайны жизни, явленной в слове, предстает трагикомический образ знахарки-колдуньи Евдокии. Рядом с ней серьезным делом познания мира занимаются говорящая ворона Кума, черный кот, козел и боров, разыскивающий целебные корни.

Исторически уместно использует автор и расшифровку метафоры. Если мы с вами с детства слышали шутившую угрозу: «Вот я тебе ноги-то переломаю» или «зенки выколою», то должно же быть, думает автор, такое время, когда эти фразы возникли впервые из прямого дела, самосуда, а не ради шутки:

«Насима! Изменница проклятая! Я самолично ей зырки каленым железом выткнула!» — возбужденно выпалила Веря.

Вот в какое жестокое время зарождались метафоры, которые мы бренчливо употребляем не один уже век.

Создание романа — событие во все времена значительное. В его появлении есть нечто высшее и даже мистическое. Автор проявляет из океана невидимой жизни лики и личины, образы и прообразы, факты и идеи, которые повлияли в свое время на ход жизни, но попытались остаться неузнанными. В данном случае мы благодаря автору открываем в себе дополнительную

«Золотой цветок-одолен» можно назвать богатырским романом

зоркость, более выпукло видим московских исторических деятелей в их от-

ношении к проблемам Яика, можем сравнить с современным их отношением к нашим заботам.

Перед нами и пример великой силы духа, борьбы людей за выживание, духовное прозрение, обединение, так необходимые нам сегодня для одоления очередного смутного времени. Нам тоже нужен золотой цветок-одолен, поэтому можно сказать, что роман Машковцева появился не из эстетической роскоши, но из жизненной необходимости. Теперь мы хорошо представляем, какой урон, чуть было не полное уничтожение нанесло казачьему сословию расказачивание 20–30-х годов нашего столетия.

Так что, подобно египетскому Сфинксу, восставшему из пустыни забвения, глядит на нас со страниц романа горячее яицкое казачество XVII века. И от нашей сыновней культуры, гостеприимства и доброжелательства зависят теперь судьба и долголетие новоявленного романа

РИММА ДЫШАЛЕНКОВА.
«Челябинский рабочий»,
21 февраля 1991 г.

В жестокое время зарождались метафоры, бренчливо употребляемые не один уже век